

АМБИДЕКСТР

повесть

ВЛАД САВИНН

... все
ночь.
даже
ю,
де-
меня.
... сильно
... Это же
... ты я исклю-
... знь, Скорин.
... называют от-
... от, кто, между
... же легко забыл
... жизнь ты делал
... смерти Женьки
... себя своим дру-
... рьял партнеров,
... еног их семьи. Ты
... даже девушки,
... никого не лю-
... ! И дело не в по-
... женном дорогом
... и! Так сделай же
... еного!»
... теле и держась
... вывалятся и на-
... знутренности, я
... дошел до кухни.

Влад Савинн
Амбидекстр. Повесть

«Издательские решения»

Савинн В.

Амбидекстр. Повесть / В. Савинн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909108-6

Бизнес-детектив, написанный в жанре психологического реализма, в котором автору удалась попытка крепко держать читателя в напряжении до самой кульминации. Это повествование о судьбе одного человека на изломе эпох в жизни большой страны. Главный герой повести, с самого детства мечтавший стать пилотом, повзрослев, выбирает карьеру бизнесмена, добровольно соглашаясь жить по волчьим законам крупного бизнеса в московском Сити. Книга читается на одном дыхании. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-909108-6

© Савинн В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Амбидекстр Повесть

Влад Савинн

*Единственная честная дорога – это путь ошибок, разочарований
и надежд...*

Сергей Довлатов

Дизайнер обложки Елизавета Пуцейко

Редактор Людмила Шилина

Корректор Ирина Андреева

© Влад Савинн, 2021

© Елизавета Пуцейко, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4490-9108-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осень придаёт кладбищу какую-то особую красоту. Странное ощущение присутствия в одном месте, казалось бы, несовместимых понятий: смерти и гармонии. Ведь смерть по природе своей не гармонична, а гармония, как правило, бессмертна.

Сегодня годовщина смерти моего отца. И я наконец-то нашёл время посетить его могилу. Прошло уже четверть века, а я отчетливо помню день, когда мы хоронили его. Двадцать шестое октября...

Стояла такая же сухая осенняя погода. Желто-красный ковер из опавшей листвы, пара обшарпанных табуретов и фиолетового цвета гроб, стоящий на них. И еще несколько человек в черном.

Изначально отца планировали хоронить в закрытом гробу, поскольку от человеческого образа у покойного не осталось ровным счетом ничего. Но для меня было важно в тот день прикоснуться к нему в последний раз...

Его темно-синего цвета лицо было изуродовано до неузнаваемости. Нос был продавлен. Челюсть практически отсутствовала. Зрелище было жутким.

В течение получаса озлобленные пьяные ублюдки убивали не сопротивляющегося и лежащего на сырой земле человека. Били ногами по голове. Били за бутылку водки, которую он приобрёл на последние деньги в ночном магазине недалеко от собственного дома.

Я уже был тогда, как мне казалось, взрослым, а значит, как мог старался сдерживать слезы. Но когда коснулся рукой отцовского плеча, я разрыдался...

И вот сегодня я снова рядом с ним. Как и в тот день, когда мы попрощались навсегда.

Только теперь удивительная тишина вокруг. Ни звука. Смерть и гармония...

И необъяснимое желание еще раз вспомнить давно забытые события прежней жизни...

Меня зовут Савва Скорин. И у меня есть история...

Глава 1

В тот сентябрьский вечер 1987 года, после первого в моей жизни школьного учебного дня, уже собираясь заснуть, я в очередной раз увидел его... Как и прежде, я не испытывал ни страха, ни паники. От него исходило необъяснимое тепло и спокойствие, а еще – я даже на расстоянии чувствовал это – невероятной силы доброта... Вот и сейчас я с любопытством рассматривал его, опасаясь только, что стоящий в другом конце комнаты незваный гость будет потревожен моим пристальным взглядом и также незаметно исчезнет, как и появился.

Утром следующего дня я снова рассказал о человеке, который приходит ко мне ночью, своей матери. На этот раз она выполнила свое обещание и все-таки повела меня на прием к районному врачу-психиатру. Уже давно немолодой худощавый мужчина высокого роста с лысоватой головой и красным, как у банщика лицом, сначала молча посмотрел на меня, не проявляя никакого интереса, а после, задав пару странных вопросов моей матери, вежливо попросил меня на время удалиться. Закрыв за собой дверь кабинета, я присел на стоящую возле стены деревянную скамейку и стал терпеливо ждать. Напротив, на такой же скамейке, ожидал своей очереди круглолицый мальчик чуть старше меня в сопровождении не менее круглолицей мамыши. Какое-то время он пристально смотрел на меня, после чего резко поднял руку и, указывая пухлым пальцем в мою сторону, произнес:

– Скажи, чтобы он замолчал! Он болтун! Мама, он болтун! Скажи, что я не хочу его слушать!

Мать мальчика, как хлопчущая наседка, крепко обняла его и принялась успокаивать. Спустя минуту из кабинета психиатра вышла теперь уже моя мама. Глаза у нее были заплаканными, а в руках она держала свой белый носовой платок и мою новенькую медицинскую карточку.

– Все плохо? – спросил я.

– Ну что ты, родной?! – с очевидной грустью ответила она. – Доктор сказал, что ты у меня – особенный мальчик... Только это и сказал... Не обращай внимания на слезы... Это я так радуюсь за тебя!

При этом она не смотрела на меня.

И мне сразу стало легче, хотя я и почувствовал, что в этот момент она была не совсем искренна со мной. А возможно, совсем неискренна. В моем детстве были две вещи, которые я не выносил больше всего на свете: когда плакала моя мать и когда в моих карманах не было ни копейки.

Выйдя из поликлиники, мама резким движением вырвала какой-то листок из моей медицинской карты и, демонстративно смяв его, выбросила в рядом стоящую урну. Моя мать, невысокая стройная женщина с правильными чертами лица, любившая личную свободу больше собственных детей, иногда проявляла по-настоящему материнские чувства. Несвойственная ей забота в такие моменты удивляла меня и заставляла прощать ей ее легкомыслие по отношению к нам с братом. Любил ли я свою мать? Безумно и ревностно. Закрывая глаза на все, что обижало меня в ее поведении, либо причиняло душевную боль. Например, ее умение пропадать на несколько дней без всякого предупреждения. Но как раз-таки в тот период она старалась быть рядом.

Еще через два дня она привела меня в секцию плавания в бассейн, размещавшийся в одном из корпусов нашей школы. Там она попросила моего будущего тренера, высокого плечистого мужчину лет сорока, научить меня плавать, чтобы я смог избавиться от панического страха «глубокой» воды. «Высокий плечистый» посмотрел сначала на меня, потом на мои худые длинные руки и без особого энтузиазма сказал:

– Посмотрим...

Уже на следующий день я оказался на первой в своей жизни тренировке. Как и ожидалось, почти все шестьдесят минут тренировочного времени я провисел над водой, крепко держась за стальную гладкую лестницу, торчавшую из воды. Ни тренер, ни спортивный врач, ни мама, которая пришла посмотреть на мои первые спортивные успехи, так и не смогли уговорить меня опустить свою задницу в прозрачную с зеленым оттенком воду школьного бассейна.

– Он у вас с рождения воды боится? – задал вопрос моей матери тренер. – Или тонул где?

– С рождения... – смущенно ответила мать.

Я родился ясным августовским днем. Это произошло в роддоме небольшого подмосковного городка в тот самый год, когда вся страна продолжала жить впечатлениями от летней Московской олимпиады 1980 года. Беременная восемнадцатилетняя девушка все лето проходила не только с большим круглым значком на груди с изображением олимпийского медведя, но и с таким же большим круглым животом. По сути, это был военный городок, населенный многочисленными офицерскими семьями. В тридцати минутах езды от него располагался военный аэродром, на котором, собственно, и служил мой отец.

В день Военно-воздушных сил СССР на построении полка командир воинской части вызвал моего отца из строя и от лица командования поздравил его с рождением сына.

– Легчиком будет! – пожав руку еще совсем молодому прапорщику, во весь голос сказал грозный седовласый офицер в парадной форме небесно-синего цвета, после чего также громко чихнул.

Авиация... Это не только романтика, не только небо и самолеты... Это еще и сотни литров неучтенного авиационного спирта. Командование части до какого-то момента закрывало глаза на пьяные выходы начальника склада горюче-смазочных материалов Скорина только лишь потому, что за него из самого Владивостока приезжал просить родной брат моего деда – Скорин Иван Антонович, фронтовик и морской офицер-орденоносец. Тем не менее, рано или поздно любому терпению приходит конец. Отца все-таки уволили из рядов Советской армии, и наша семья, в которой еще к тому времени появился мой младший брат, переехала в Москву. В столице на самой окраине родители стали снимать жилье и готовиться к встрече нового 1987 года. Этот год был годом их надежд. Отец должен был найти новую работу, мать планировала выйти из декретного отпуска и поступить в педагогический институт на заочное отделение, а я готовился пойти в первый класс обычной московской средней школы.

Когда самый главный человек в Советском Союзе Михаил Сергеевич Горбачев торжественно поздравлял по телевизору всех жителей моей необъятной Родины с наступающим Новым годом, я задал отцу вопрос:

– Пап, а что у него на голове нарисовано?

В этот момент отец только закончил уплетать свой любимый салат с горошком. Неторопливо дожевывая и так же неторопливо утерев уголки рта бумажной салфеткой, он серьезно ответил:

– Это – карта Советского Союза, сынок...

С еще более серьезным видом он налил себе полную рюмку холодной водки и, одним глотком выпив ее, продолжил:

– Вот вырастешь, станешь самым главным человеком в нашей стране, и тебе такую же на башке забабахают...

– А ее что, обязательно нужно на голове носить? – удивленно спросил я.

– Нууу... можно и на другом месте, – по-прежнему с серьезным видом ответил отец. –

Но представь: встречаешься ты с американским президентом, а он тебе задает такой вопрос: «Ты кто такой?»

А ты ему:

«Я – Савва Скорин! Самый главный в Советском Союзе!»

А он тебе:

«Чем докажешь, Савва Скорин, что ты самый главный в Советском Союзе?» И вот тут тебе придется снять штаны и показать ему свою жопу... Поэтому лучше на башке.

– Почему тогда у американского президента на голове ничего нет?! – быстро смекнул я.

– Нууу... – на секунду задумался отец, – значит, ему нравится каждый раз снимать штаны...

Детально представив себе встречу двух лидеров, я уже тогда понял, что не очень-то и хочу быть «самым главным» в своей стране. И уж тем более – показывать этой стране или еще какой свою плоскую задницу...

Отец и после переезда в Москву продолжал пить. Пил он часто и много. И опьянев, избивал мать. К счастью, нас с братом он никогда не трогал, ни за что не наказывал и никогда не учил жизни. Словом, никак не участвовал в нашем с братом воспитании. Наступивший год действительно стал переломным в его судьбе: через несколько месяцев его поймали на контрабанде коллекционных книг. Так он загремел в тюрьму. На фоне постоянных стрессов, унижений и безденежья мать тоже запыла, и в нашей квартире начали появляться сомнительные гости. Мама в молодости была очень красивой женщиной, не выглядела на свой возраст, и за ней хвостом стали виться разного рода кавалеры из всех социальных слоев...

Через три года Скорин-старший вернулся из мест заключения. Он попросил у всех нас прощения, и мы снова стали жить вместе. Начинался новый этап в жизни моей семьи. Отец вернулся совершенно другим, как мне показалось тогда, более смелым и даже дерзким. Начало 90-х было не только эпохой тотального дефицита, но и повсеместного распространения коммерции. Его предприимчивый ум быстро сообразил, на чем он сможет заработать хорошие деньги.

Через месяц после возвращения он уже договаривался с заведующими продовольственных магазинов, перекупая у них мелким оптом алкоголь и затаривая ящиками с ликвидным товаром нашу квартиру. Со всего района зависимая от спиртного «братва» приходила закупаться у нас по цене в два, а то и три раза выше рыночной. Понятно, что отец сразу привлек меня как старшего сына к стартовавшему и уже функционировавшему двадцать четыре часа в сутки семейному бизнесу. В мои обязанности входило открывать клиентам двери, брать купюры, передавать товар и следить за «кассой». Часто работать приходилось и ночью, регулярно подрываясь с кровати на громкий звонок в дверь. На следующий день я просыпался, завтракал и шел в школу. Несмотря на невероятную усталость, со своей работой я справлялся. Еще и потому, что это был далеко не первый мой опыт в коммерции.

– Сын! Что по вчерашней кассе? – утром из ванной громко требовал отчета отец.

– Пятьсот двадцать восемь рублей и шестьдесят копеек, – отвечал я, достав из кармана брюк свой блокнот.

– Серебряк приходил?

– Да, шесть ящиков забрал. Деньги в столе.

– Мотор вернул долг?

– Он вчера половину вернул – двенадцать рублей. Просил меня подождать еще три дня, но я дал сутки, до сегодняшнего вечера.

Отец, видимо, остался доволен моим ответом, но промолчал.

– Примерно в восемь часов привезут «чернила». Думаю, ящиков пятьдесят. Будь дома, поможешь Рыжему, – он просто ставил меня перед фактом.

«Чернилами» называли дешевое плодово-ягодное вино.

– Пап, – осторожно начал я, – хотел сегодня после школы в гараж пойти. Две недели не было выходных...

Отец вышел из ванной, вытирая руки и лицо полотенцем.

– Что у тебя в гараже?

– Да так... Дело одно...

- Какое дело, Савва? – глядя мне прямо в глаза, повторил он.
- Я... в общем, я стеклотару собрал там. Хочу сдать сегодня.
- Бутылки собираешь? – спросил отец, доставая из шкафа свою одежду.
- Мужики собирают... под меня.

Он ухмыльнулся, сверкнув недавно вставленным золотым зубом. Я напрягся: ухмылка отца могла означать что угодно, я никогда не мог понять, уловить его ускользающее от реальности настроение. Несмотря на то, что я был его сыном, очень часто мне казалось, что между нами была огромная пропасть. И возможно, именно из-за той пропасти, я боялся делать шаг навстречу, чтобы лучше узнать его.

- Ладно, занимайся своей стеклотарой. До темноты домой! Заметано? – приказал отец.
- Заметано! В девять буду дома, – обрадовался я, и уже почти выбежал из квартиры, как

снова услышал:

- Стоп! А сколько тары собрал?

– Ящиков двести... – ответил я.

– Сколько?!?! – закричал он. – Ни хрена себе! Стекольный король на районе... Дуй в школу!

Хотя я здорово помогал отцу, денег он мне не платил. Считал, что кормит нас с братом, одевает, а значит, этого достаточно. Именно поэтому я лез из кожи вон, стремясь заработать, а значит в моих карманах всегда водились деньги. Вспоминая нищету последних трех лет, я не хотел больше возвращаться в прошлое.

Свои самые первые деньги я попытался заработать еще во втором классе. Сидя на перемене за партой, я увидел одноклассника, играющего с десятирублевой купюрой, разорванной пополам. Судя по тому, как он с ней обращался, я понял, что никакой ценности она для него не представляет. Тогда я убедил его обменять эти обрывки на мой пластмассовый компас. Придя домой, я аккуратно склеил купюру и показал ее матери. Чтобы она не задавала лишних вопросов, соврал ей, сказав, что деньги я нашел во дворе нашего дома. Вечером того же дня раздался телефонный звонок – это в истерике звонила мама того самого мальчика...

Нет, я не покаялся. Не покаялся ни через десять минут после телефонного звонка, ни через час, когда уже стоял на пороге отделения милиции, куда меня в воспитательных целях привели мои мать и бабушка. Для меня это была абсолютно честная сделка: я не присвоил эти деньги, а обменял с согласия их владельца. Но мои близкие думали иначе. И не могли взять в толк, почему я строю из себя юного героя Гражданской войны вместо того, чтобы просто попросить прощения.

Просто попросить прощения... Возможно, это покажется странным, но я не умел просить прощения. Никто не обязан меня любить. Никто не обязан меня прощать. Никто не обязан со мной дружить. Такими были мои детские убеждения. Еще через минуту бабушка разрыдалась. Я видел, что мать попала в неловкое положение и уже сама не рада всей этой затее. Они тогда здорово переругались между собой. Мать получила маленькой бабушкиной сумочкой по спине, и через полчаса я уже был дома, уплетая сделанные с бабушкиной любовью блины со сметаной. Бабуля не жила с нами, но в самые критические моменты готова была, как внештатный спасатель, прибежать к своим внукам на помощь.

Вечерами, когда соседняя комната наполнялась незнакомыми мне людьми, я брал в левую руку простой карандаш и начинал рисовать. Порой я ловил себя на мысли, что благодаря умению и желанию рисовать, я смог сохранить в себе хоть какие-то человеческие качества. Рисование отвлекало меня от реальности, погружая в иной мир.

Я всегда думал, что был левшой. Так говорили и мои близкие. Но через какое-то время осознал, что могу рисовать не только левой, но и правой рукой. А еще позже понял, что все тоже самое могу делать обеими руками. Одновременно... Такая способность называлась амби-

декстрией. А значит, я был не левшой. Я был амбидекстром. И если бы я только мог знать тогда, какую роль в моей жизни сыграет эта особенность.

Хотя мне не были знакомы ни техника рисования, ни законы композиции, интуитивно я чувствовал, что рисунок должен выглядеть так, а не иначе. Чаще всего я рисовал натюрморты, а моим самым любимым художником стал голландец Ван Гог. С ним меня познакомил случай. Сентябрь. Первый звонок. Подарок от старшеклассника – книга с иллюстрациями. Винсент Ван Гог... Таким было ее название. С тех пор я стал много читать про него, узнав о его жизни, болезнях, его больном воображении, и об особенностях его смерти. Я очень любил Ван Гога. И не только как художника. Любил как человека. Большой настенный календарь с изображением его натюрморта с двенадцатью подсолнухами висел тогда над деревянной кроватью в моей небольшой комнате. Этот календарь был куплен мной в соседнем книжном магазине, только вот уже не вспомню, за какие деньги.

А иногда мне просто «фартило», как называл это мой отец. Весенним майским днем, возвращаясь домой из кинотеатра, я заметил у входа в продовольственный магазин высокого широкоплечего милиционера, держащего за руку пожилую цыганку в ярком цветастом платке. В это время его низкорослый и худощавый напарник высыпал в стоящую рядом большую урну содержимое огромной картонной коробки, с которой ее и задержали.

Дождавшись, пока милиционеры уведут цыганку за собой, я заглянул в урну и увидел целую гору леденцов в форме монет в разноцветной фольге. Подпольное производство, догадался я. Сняв с себя майку и завязав ее верхнюю часть на узел, я начал набивать ее конфетами. Уже завтра я планировал продавать их по максимально высокой цене. Ноги несли меня домой со скоростью эфиопского легкоатлета Мируса Ифтера, взявшего на той самой Московской олимпиаде две золотые медали. Таких эстафет получилось три. Через сорок минут я уже стоял перед собственной кроватью, усыпанной невероятно ликвидным товаром – сладкими «монетами», отлитыми по подобию советского металлического рубля образца 1970 года с изображением профиля вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Быстро посчитав общую стоимость своей добычи, я понял, что стал обладателем целого состояния...

У меня получалось делать деньги на всем: я продавал марки, варганил на кухне сахарные леденцы, покупал и перепродавал спортивный инвентарь, жевательную резинку, проводил школьные мероприятия. Я мог купить скейтборд за девятнадцать рублей, покататься на нем пару дней и продать за двадцать пять. Из ничего я мог сколотить капитал. Это было, пожалуй, самым увлекательным занятием из всех, которыми я занимался в детстве. Намного увлекательнее игры в футбол, походов в кино и даже рисования. Хотя я и любил читать, редко дочитывал книгу до конца: на нее, правда, не без моих усилий, всегда находилась очередная покупка.

И все-таки самой большой моей страстью были самолеты...

Теплыми летними ночами, завершив рабочий день, я набивал карманы своей летней куртки свежим ароматным ржаным хлебом, брал с собой купленный за свои же деньги в комиссионном магазине кассетный плеер SONY и тайком, через пожарный люк, вылезал на покрытую застывшей черной смолой крышу нашей пятиэтажки. Если день был знойным, крыша разогревалась так, что смола под ногами продавливалась и сохраняла следы от моих кроссовок. Там, наверху, я сбрасывал с себя куртку, стелил ее и удобно ложился на спину. Только на крыше я отчетливо ощущал все звуки и запахи ночного города, которые перемешивались с запахом свежей хлебной горбушки. Легкий августовский ветер трепал спутанные мальчишеские вихры, невесомой рукой приглаживал их и сбегал куда-то за крыши домов, чтобы через минуту вернуться вновь. Моей любимой музыкальной группой в то время была группа «Кино», а самой любимой их композицией – «Звезда по имени Солнце». Нажав на плеере клавишу «Play» и заложив руки за голову, я начинал фантазировать...

Я смотрел в бездонное ночное небо, наполненное сигнальными маячками авиалайнеров, пролетающих сквозь скопления миллиардов звезд Млечного пути. Млечный путь лучше всего

просматривался на ночном небе именно в августе, в месяце моего рождения. Наблюдая за движением самолетов, я представлял, что это движутся кометы, путешествующие из одной части Вселенной в другую. Каждая из таких комет управлялась особенными людьми – пилотами, которые даже не подозревали, что где-то далеко внизу за их ночными полетами наблюдает один мальчишка, бесконечно завидуя им...

Когда еще отец служил в армии, я часто видел написанные краской на ливреях больших транспортных ИЛ-76 имена и фамилии каких-то, видимо, очень героических людей.

«Вот если бы когда-нибудь моим именем назвали такой же громадный самолет! – думал я. – Взлетает он такой, а люди внизу смотрят на него и читают: „Савва Скорин“... А я сижу весь такой серьезный в кабине пилотов, крепко держу руками штурвал и ни на что не отвлекаюсь... Потому что профессия у меня такая... героическая».

А еще я часто задумывался над природой числа Пи, о существовании которого узнал на одном из уроков математики. Вообще я не любил математику. Сам не знаю, почему. Не любил, и все. Может, потому что скучно объясняли. Или потому, что я, и вправду, был бесплодным, как часто отзывались обо мне учителя. Но одна деталь в этом предмете захватила меня настолько, что я не мог не ломать над ней голову, особенно в тот самый момент, когда мои глаза были устремлены в бесконечное ночное небо.

«Вот что, если бы прямо сейчас на крышу моего дома приземлились Они... люди с другой планеты? Их знания о числе Пи, которыми Они будут обладать, совпадут с моими или нет?! Если совпадут, значит, природа числа Пи для любого уголка Вселенной одинакова... И видимо, у этих ребят есть те же условия для создания космических двигателей. А если не совпадут?! Тогда они просто не смогут изобрести такой двигатель, и я никогда не увижу их у себя на крыше и там, в Вечности...»

Вдруг в тот самый момент, когда я погрузился в эти философские проблемы кто-то осторожно дотронулся до моего плеча. От неожиданности я дернулся, будто бы меня хорошенько ударило током, одновременно резким движением сорвав наушники.

– Мама! Я чуть не обоссался... Что ты тут делаешь?!

– Савва! – встревоженно ответила мать. – Ты снова на крыше?! Отец зовет. Дядя Саша вернулся...

Впервые я узнал о существовании наркотиков, когда на месяц исчез родной брат моего отца, дядя Саша. Мы уже не надеялись увидеть его живым. В итоге он объявился сам. В нашем туалете после его визита еще долго стоял стойкий неприятный запах. Он не был похожим на обычный запах мочи. Поэтому я принял решение в туалет не ходить и искусно мочился в умывальник...

Из разговоров взрослых я понял, что дядю Сашу «посадили на иглу». Еще через несколько лет, холодным ранним весенним утром, мой отец найдет его мертвым, лежащим на уличной скамейке во дворе соседнего дома. В тот момент я еще не знал, что убийцей моего родственника стал «спидбол» – смесь кокаина с героином. Перекрестное взаимодействие психостимулятора кокаина и опиоидного наркотика героина вызвало у него острую сердечную недостаточность. Дядя Саша не дожил всего несколько месяцев до своего двадцативосьмилетия, оставив тогда еще совсем маленького сына и моего двоюродного брата Пашку без отцовского плеча.

На похоронах я шел рядом с отцом. Это был единственный раз, когда я видел его слезы...

Учителя в школе не догадывались, что мои поступки вызваны в большей степени неосознанностью тех или иных действий, поэтому так же неосознанно забивали меня в неврастеники.

Учился я плохо. Домашние задания почти никогда не выполнял. Мне и в самом деле было не до учебы. Загрузить, отгрузить, принять, съездить, забрать, получить, посмотреть за братом, убрать в квартире, приготовить обед, послать подальше нетрезвых покупателей и сбежать

за сигаретами – таким был неполный список моих ежедневных обязанностей. Дела с учебой стали обстоять еще хуже, когда я начал заикаться. В очередной ссоре нетрезвый отец попытался ударить мать кухонным ножом. Я вовремя успел прибежать на душераздирающий крик и ухватиться за лезвие ножа обеими руками. В тот день я держал лезвие смертельной хваткой, опасаясь за жизнь самого родного мне человека. Крик, хлестнувший по барабанным перепонкам, вдруг перешел в вопль. Это орал я. В состоянии аффекта я не чувствовал боли, кричал скорее от ужаса... Увидев струящуюся из моих сжатых кулаков кровь, отец моментально пришел в себя, и больше с ножом я его никогда не видел. Но после этого события я замкнулся, получив на долгие годы серьезные проблемы с речью.

И все же, все же... Отец оставался для меня близким человеком. Именно он привил мне любовь к футболу, к бане. Приучил перед каждым выходом из дома чистить обувь. Благодаря ему я стал слушать Beatles, Deep Purple, Nazareth, Наутилус Помпилиус и Виктора Цоя. А еще я восхищался его волей. Устав от длительного запоя, он мог проснуться рано-рано утром, надеть на себя спортивный костюм, кроссовки и несколько часов бегать по стадиону. Вернувшись домой, Скорин-старший переодевался, брал дубовый веник и еще на несколько часов уходил в городскую баню. Трезвый и бодрый, отец в очередной раз начинал свою жизнь сначала...

Единственным человеком в школе, всегда встававшим на мою защиту, была Алла Ивановна – учитель русского языка и литературы, невысокая женщина с удивительно сильным характером. Заступалась, даже когда стоял острый вопрос об отчислении меня из школы за драку с учеником из параллельного класса. Его фамилия была Гришин. Никто в школе не называл его по имени. Гришина старались обходить стороной все, в том числе и я. Он был единственным в параллели, кто во время драки бил в лицо. Все мальчишки боролись, пинали друг друга, давали подзатыльники, а он сразу лупил кулаком в физиономию противника, разбивая нос, брови и губы всем, кто становился у него на пути. Он давно состоял на учете в детской комнате милиции, но это никак не влияло на его поведение. И вот наступил день, когда я вынужден был постоять за себя, даже перед страхом жестокой расправы. С его стороны в мой адрес прилетела шутка. Шутка касалась моих все еще перебинтованных и так долго заживающих рук.

Я кинулся на него и сбил с ног. Уже не помню, как он оказался сверху и прижал меня к полу. В дикой ярости мой соперник продолжал дубасить по моему лицу. Из моего носа и губ ручьем лилась кровь. Гришин же, словно заведенный, продолжал «мочить» меня, упиваясь своим превосходством.

«Хватит! Не надо!» – закричал я, пытаюсь закрыть руками свою голову.

Еще через несколько секунд его кто-то сильно дернул за пиджак, отбросив от меня на несколько метров. Моим спасителем оказалась директор школы.

Меня сразу же отправили в медпункт, а после отпустили домой. Я бежал из школы вытирая на бегу рукавом льющиеся из заплывших глаз горькие слезы. Было бесконечно стыдно и обидно за себя. Обидно не от того, что мое лицо было разбито и похоже на тыкву, а от того, что я сдался. Как сопливая девчонка завопил «Не надо!» на виду у целого класса...

Утром следующего дня я стоял у доски перед одноклассниками и своим классным руководителем... Стоял с абсолютно потухшим взглядом, избитый, с распухшей физиономией и порезанными столовым ножом кистями рук, все еще в грязных бинтах.

– Ну что теперь будем делать, Скорин? – тревожно спросила Алла Ивановна. – Очередная драка...

Я молчал.

– Ты же неплохой мальчишка! Пойми, я больше не смогу закрывать глаза на подобные вещи, Савва! В тебе как будто живут два абсолютно разных человека, – встав со стула, она медленно пошла в противоположный конец класса, нервно сжимая в руках длинную указку.

Я все так же смотрел в пол. Да, меня мучила совесть. Но мучила не оттого, что я слышал сейчас, а оттого, что я наконец-то посмотрел на себя со стороны. Перед классом стоял самый бестолковый его ученик... ученик, которого совсем недавно исключили из секции плавания за непосещаемость... который по итогам четверти стал самым отстающим в классе... ученик, с которым уже давным-давно не общались одноклассники, посмеиваясь над его дурацким внешним видом и каждый раз передразнивая его сэ..сэ..сэ..удорожную речь. И вот теперь еще эта драка, вопрос об отчислении из школы...

– Алла Ивановна, я и сам хочу... ис... пы... пы... пы... пы... равиться... – произнес я, по-прежнему уставясь в пол, чтобы спрятать свои мокрые глаза.

Очень хотелось сказать классной «простите меня», но я понимал, что не выдавлю из себя эту чертову фразу. Тем более, что вокруг хихикали одноклассники, для которых моя речь была веселым спектаклем.

Вдруг неожиданно раздался громкий хлопок, и куски деревянной указки, которую Алла Ивановна держала в руках, мгновенно разлетелись в разные стороны. Кому-то явно здорово досталось обломком по голове. Наступила тишина.

– Если еще хотя бы раз... я услышу чей-то подлый смех, я разобью еще несколько таких указок, но только уже не о парту! Меня все услышали? – голос Аллы Ивановны звенел от гнева. – Что вы знаете о жизни вашего одноклассника?! Хотя бы раз! Кто-нибудь из вас поинтересовался, почему Скорин скатился на самое дно? Почему он не учится? Почему приходит с грязной головой в школу и черными, как у шахтера, ногтями? Почему ваш товарищ заикается? Почему он постоянно дерется, в конце концов?!

Класс молча слушал учителя. Она была единственным человеком, с которым я в минуты отчаяния делился тем, что происходило в моей семье. Она была в курсе моих многочисленных попыток спасти мать от суицида, и смертельных угроз пьяного отца. Думал ли я когда-нибудь о том, чтобы самому уйти из этой никчемной жизни? Да. Пару раз... В самые тяжелые минуты накатившего отчаяния я отчетливо представлял себе, как сделаю это. Только об этом никто никогда так и не узнал. Даже Алла Ивановна... Зато она знала, когда мы с братом голодали, и заставляла меня тащить домой сетки с картофелем и яблоками, выращенными на ее ухоженном дачном участке. Алла Ивановна знала обо мне больше, чем мои собственные родители...

– Молчите?! – вопрос словно повис в сгустившейся тишине.

– Скорин дерется, потому что он единственный из вас, у кого есть достоинство! И именно оно никогда не позволит ему терпеть унижения даже от тех, кто сильнее его...

И в этот раз классная поручилась за меня, уговорив директора дать мне самый последний шанс, который я уже не имел права проср...ть, как бы выразился мой отец. Тогда же я принял окончательное решение стать военным летчиком, дав себе обещание, что никогда больше – ни в драке, ни в бою – я не попрошу о пощаде и не разрешу себе сдать, даже если придется пойти на свой первый и последний в жизни таран.

До поступления в военное училище оставалось ровно два года, и я стал просить Аллу Ивановну помочь мне перейти в старшие классы, чтобы наконец взяться за учебу и приблизиться к той цели, которая тогда казалось мне главной.

За оставшиеся два года учебы мне пришлось заново пройти весь школьный курс математики, химии и физики. Мать разрешила мне исписать стены моей комнаты математическими и физическими формулами и определениями. Я ежедневно засыпал и просыпался, глядя на эти значки и закорючки и пытаюсь запомнить их навсегда. В нашем туалете теперь стопкой стояли школьные учебники. Гуманитарные предметы давались мне легко, и с ними проблем не было. Параллельно я стал самостоятельно бороться с заиканием. Начал читать специализированную литературу и выполнять необходимые упражнения для постановки речи, закрываясь в своей комнате. Через несколько месяцев я добился и в этом значительного прогресса. Кроме того, я вернулся в секцию плавания, дав себе слово, что когда-нибудь обязательно доплыву

до Африки. Почти все в секции посмеивались над моей сумасбродной убежденностью, наблюдая, как тяжело мне на тренировках из-за все еще державшего меня в своих крепких тисках страха «глубокой воды». Только одноклассники больше не смеялись надо мной. Я шел к тому, чтобы окончить школу без единой плохой оценки в аттестате. Теперь на меня даже засматривались девчонки, но я не отвечал им взаимностью. Хотя, если быть совсем откровенным, делать это мне не позволяла моя застенчивость. Почему-то я страшно боялся любого контакта с противоположным полом...

Однажды после уроков я, будучи дежурным, ползал под столами, пытаюсь хоть как-то протереть истоптанный за день пол. В этот момент в кабинет вошла моя одноклассница Лена. Я понял, что это именно она, увидев из-под стола ее красивую лаковую обувь. Она какое-то время молча наблюдала за моей работой, после чего задала вопрос, на который я не знал ответа.

– Скорин! Хочешь, я трахнусь с тобой?

От неожиданности я резко поднялся, сильно ударившись головой о край стола. Какое-то время мы просто молча смотрели друг на друга, не понимая, что же нам делать дальше. Видимо, моя реакция спутала все ее первоначальные замыслы: я зачем-то приложил мокрую половую тряпку, которую крепко держал левой рукой, к голове, вместо компресса. Судя по всему, вид у меня был более чем дурацкий... Я прекрасно понимал значение слова «трахнуться», но не смог подобрать ни единого слова, способного хоть как-то разрядить возникшее напряжение. Еще через мгновение Лена пришла в себя и с серьезным выражением лица произнесла:

– Да, ладно, Скорин, пошутила я! И опусти уже эту тряпку...

И ушла... А я еще долго стоял и думал, насколько же я не готов к любым отношениям с девчонками. Как оказалось, это было намного страшнее любой драки.

На выпускной бал я не остался. В ту ночь, абсолютно вдохновленным, я ехал в поезде Москва-Балашов, чтобы прямо с утра успеть лично подать документы в приемную комиссию Балашовского высшего военного авиационного училища летчиков, выпускающего офицеров для военно-транспортной авиации. Но сбыться моей мечте тогда было не суждено...

Глава 2

В летное училище я не поступил. Так переволновался в кабинете психиатра, что просто не смог сказать ни слова. Не ответил ни на один его вопрос. Смешно сейчас... С одной стороны я, можно сказать, коснулся чего-то важного, очень значимого для себя. А с другой – все значимое оказалось таким хрупким и одновременно иллюзорным, что в какой-то момент я просто начал терять веру в свою способность, что-либо изменить в своей собственной, кем-то придуманной жизни.

Похоронив мечты о своем призвании, совершенно опустошенный, я вернулся обратно в Москву, открыл справочник высших учебных заведений, ткнул пальцем в первый попавшийся на глаза университет и поехал подавать документы. Этим университетом оказался МГТУ им. Баумана. Пройдя более-менее успешно испытания по математике и физике, я пришел на экзамен по русскому языку. Выбрал тему сочинения: «Герои произведений зарубежных и отечественных авторов, которые меня вдохновили».

Помню, как сильно я хотел написать о Николе Тесле, великом сербском ученом-физике, которого современники называли фантазером, насмехаясь над его идеями. Хотел написать о его работах, которые сделали возможным развитие современной электротехники. Мне безумно хотелось поделиться историей жизни изобретателя, подарившего человечеству так много, но завершившего свой жизненный путь в нищете. И простившего людям их невежество. Но, к сожалению, о Николе Тесле не было написано ни одного художественного произведения, поэтому я остановился на герое книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Еще в школе до глубины души меня тронула история подвига русского военного летчика Алексея Маресьева, чья воля к жизни и несгибаемая сила духа помогли ему не только выжить после крушения самолета, когда он ползком пробирался восемнадцать суток через зимний лес, но и после вынужденной ампутации обеих ног продолжить службу в авиации.

Все четыре с лишним часа своего сочинительства я пил принесенную с собой воду и, в итоге, уже не мог спокойно сидеть и продолжать сосредоточенно работать. Я ерзал по стулу, пытаюсь заглушить сигналы, которые посылала природа.

Дописав последнее слово, я поднял голову и осмотрелся по сторонам. В помещении, кроме меня, не было ни одного абитуриента. Я настолько увлекся, что не заметил, как прошли отведенные на экзамен четыре долгих часа. У доски, как и прежде, сидели трое членов экзаменационной комиссии и молча смотрели на меня.

– Молодой человек, вы закончили? – устало спросил седой мужчина лет шестидесяти пяти, одетый в давно вышедший из моды светлый клетчатый пиджак.

– Можно в туалет? – вместо ответа взмолился я.

– У нас к вам вопрос, потерпите уже пару минут... Вы всегда пишете обеими руками?

– Нет, – ответил я. – Только если много приходится строчить...

– Несите сочинение сюда.

Я взял рюкзак, листки с сочинением и подошел к столу, за которым сидели экзаменаторы.

– Ваша фамилия Скорин? – уточнил мужчина.

– Да. Можно, я пойду в туалет?! – скрипя зубами, снова спросил я, заглядывая в глаза каждому из сидящих людей в надежде на сострадание.

– Все в порядке! – ответил седовласый. – Вы можете быть свободны. Результаты экзамена будут вывешены в фойе главного корпуса в понедельник. Всего вам хорошего!

– До свидания! – я пулей вылетел из кабинета.

Седого мужчину в клетчатом пиджаке звали Вячеслав Андреевич Сергеенко. Позже, с его же слов, я узнал, что стало причиной моего поступления.

– Да, коллеги, Скорин сдал математику на тройку, – говорил Сергеенко на совещании экзаменационной комиссии, – но он получил «отлично» по физике и «хорошо» – по сочинению!

Подойдя к столу, он налил в стакан воду из графина.

– Скорин – амбидекстр! И я ходатайствую перед комиссией о необходимости принять его в наш университет. Тем более, что абитуриенту не хватило всего одного балла!

– Повторите еще раз, профессор, как вы его назвали? – спросил сидящий напротив член экзаменационной комиссии – пожилой мужчина в больших прямоугольных очках.

– Ам-би-декстр! – по слогам повторил профессор. – В отличие от правшей, которые показывают сильное доминирование левого полушария мозга, полушария амбидекстров развиты почти симметрично.

Он развел сложенные перед собой ладони в стороны, изображая симметрию, о которой говорил.

– Такие люди способны одинаково хорошо писать и даже рисовать обеими руками. Благодаря подобному устройству мозга, амбидекстры способны видеть музыку в цвете, а картины – в запахах... – продолжал он.

– Профессор, эта вот амби... – начала было задавать свой вопрос женщина, сидящая по правую руку от мужчины в больших прямоугольных очках.

– Амбидекстрия... – помог ей закончить предложение Сергеенко.

– Именно так... у него врожденная?

Профессор подошел к доске, взял мел и схематично нарисовал мозг человека.

– Согласно исследованиям, все дети рождаются амбидекстрами, и только примерно полпроцента от новорожденных сохраняют эту странную способность на всю жизнь. Вместо математических способностей, за которые мы все так ратуем, им послана одаренность в спорте, искусстве, музыке и других сферах. Но самое поразительное – у них потрясающе развита интуиция.

Чуть ранее в кабинет осторожно, не нарушая беседы, вошел еще один седовласый, но совсем не пожилой, хорошо одетый, высокий и подтянутый человек. Это был доктор наук Семихатов, время от времени читавший в Бауманке лекции по теории полей и квантовой физике. Он внимательно слушал все, о чем так увлеченно говорил Сергеенко, и только сейчас принял решение вступить в дискуссию.

– Насколько мне известно, одним из наиболее выраженных психологических признаков, характеризующих амбидекстров, является интровертность – мотивационная направленность на самого себя, а не на других. Иными словами, они неисправимые эгоисты, хотя и очень талантливые эгоисты, – произнес он. – Но я, как и профессор Сергеенко, тоже готов встать на защиту этого необычного студента.

На втором курсе Бауманки я понял, что больше не могу заставлять себя ходить на занятия. Перспектива стать инженером автомобильного транспорта меня больше не радовала. Почти на всех лекциях, кроме физики, я скучал. Скучал невыносимо. Поэтому набрался храбрости и пришел на кафедру профессора Сергеенко, чтобы честно сказать ему, что принял решение уйти из университета.

– Скорин, ты дурак?! – видимо, не найдя других слов, спросил профессор, выслушав мою речь.

Я не ожидал такого поворота, поэтому обиженно хлопнул дверью и быстро пошел прочь вдоль длинного коридора, не оборачиваясь.

– Ты еще пожалеешь о своем решении! Скорин! Ты еще пожалеешь о своем глупом решении! А знаешь, когда? Когда на твою обритую бестолковую голову наденут ушанку! – кричал мне вслед Сергеенко.

Той же осенью я приехал в районный военкомат и постучался в кабинет военного комиссара.

– Можно? – неуверенно спросил я.

– Тут уже армия, сынок! Разрешите войти!

– Разрешите войти, товарищ. . .

– . . . капитан, – помог мне разобраться в своем звании усатый офицер. – Что хотел?

– Заберите меня в армию, товарищ капитан! – уже увереннее сказал я.

– Епт на. . . – на непонятном мне языке, судя по всему, выругался он и, выдержав непродолжительную паузу, спросил:

– Как твоя фамилия, боец?

– Скорин!

Офицер посмотрел еще раз внимательно на меня и с сочувствием спросил:

– Скорин, а ты точно не дурак?! Обычно у меня просят об обратном.

Через несколько месяцев я уже сидел на призывном участке с наголо выбритой головой, ожидая приезда особой команды под ничего не говорящим мне номером К-250. Эта команда должна была забрать троих призывников, на личных делах которых рукой военного комиссара были написаны две заглавные буквы ПП.

Аббревиатура расшифровывалась просто: Президентский полк – подразделение, входящее в состав Федеральной службы охраны Российской Федерации и решающее специфические боевые задачи по обеспечению охраны объектов московского Кремля.

Поздно вечером на военном автобусе нас привезли на место нашей службы, в прямом смысле слова, в сосновый лес. В этом лесу размещались несколько трёхэтажных зданий, спортивная площадка и большое заасфальтированное пространство, именуемое «плац», которое на ближайший год становилось местом, где из вчерашних тухлых романтиков собирались ковать элиту Вооруженных сил России. Открыв дверь в расположение нашего подразделения, сержант, сопровождавший нас от военкомата, резким ударом сапогом в живот заставил стоящего на полусогнутых ногах дневального проснуться, вытянуться в полный рост и прокричать команду: «Дежурный по роте – на выход!»

С этого эпизода и началось мое первое знакомство с армией. Рота спала. . . А нас, молодых призывников, до утра разместили на двухъярусных скрипящих металлических кроватях, предоставив возможность выспаться и привыкнуть к происходящему, наблюдая из-под синего армейского одеяла за дрожащим от перепадов напряжения мрачным освещением батальонной оружейной комнаты.

Поскольку я был самым исполнительным и неразговорчивым солдатом, в первое время мне доверяли самую «ответственную» работу – мыть сортиры.

Сортирами служили большие просторные помещения с восемью отверстиями в бетонном полу. Каждое отверстие имело одинаковое для всех неброское название «очко».

Время от времени отверстия системы «очко» забивались настолько, что ставили под угрозу боевую готовность целого подразделения. Поэтому работу по очистке таких систем доверяли только самым исполнительным военным служащим. Дежурный по роте решил, что таким военным служащим должен стать рядовой Скорин. И время выбрал подходящее – канун нового двухтысячного года.

Сержант привел меня в хозяйственное помещение и указал на угол, в котором одиноко стоял предмет под названием «поршень» – длинный металлический лом, на одном конце которого была закреплена плоская круглая резиновая мембрана. Когда лом с мембраной опускался в «очко», он создавал высокое давление в канализационной трубе и, двигаясь в обратном направлении, освобождал систему от «запоров». Из курса физики я хорошо помнил о третьем законе Ньютона, поэтому начал активными движениями нагнетать давление в системе, пока

«поршень» не заклинило. Чтобы высвободить его из плена, я поплевал на обе ладони, крепко схватился за лом и изо всех сил начал тянуть его вверх.

Потихоньку «поршень» начал поддаваться, трогаться с места, и вдруг резко вылетел наружу. Образовавшееся в системе высокое давление вместе с «поршнем» высвободило все содержимое канализационной трубы, которое фонтаном ударило вверх и в стороны. Я в ужасе замер на месте.

Вбежавший в помещение через пару секунд сержант попытался мне что-то объяснить, но так и не подобрал нужных слов, прокричал:

– Сукааааааа! Скооорин!

В общем, он дал мне понять, что я чересчур «ответственно» подошел к порученному мне делу...

Так получилось, что служить я пришел еще в эпоху ельцинской России, а первый свой Новый год в армии я уже встречал под поздравительную речь президента Путина, в стороне от общего новогоднего стола и в спортивном костюме нашего старшины.

Помимо нарядов в моей солдатской жизни была еще физическая, огневая, идеологическая и, конечно, строевая подготовка. Много строевой подготовки. Даже не так. Очень много строевой подготовки. Строевая подготовка с оружием и без оружия, строевая в составе отделения, в составе взвода, строевая в составе всей роты и даже в составе целого батальона.

Но это было днем. А ночью, когда офицеры уходили домой, сержантский состав принимался за «воспитательную» работу, не входящую, по понятным причинам, ни в общевоинской устав, ни в устав караульной службы.

– Рота! К сушке «крокодилов» приступить! – сразу после команды «Рота! Отбой!» кричал старослужащий по фамилии Шлыков и по кличке Шлык. По этой команде все молодые солдаты должны были резво встать и, повернувшись лицом к постели, ухватиться руками за металлическую спинку кровати у изголовья, а ноги поставить на спинку, находящуюся в другом конце койки. Несмотря на мой рост в метр восемьдесят два, я был одним из самых низкорослых в батальоне, а значит, длины моего тела не хватало на то, чтобы продержаться в таком положении хотя бы пять минут.

Очень быстро мое тело, руки и ноги начинали лихорадочно дрожать, и еще через 40—60 секунд я, обессиленный, падал на кровать.

По правилам «игры» падающий получал от старослужащего плоской деревянной доской по заднице, что служило для «воспитуемого» очередной командой «зависнуть». Мои «падения» продолжались до тех пор, пока общее время «игры» не подходило к концу. Абсолютно не чувствуя рук, плеч, спины и задницы, я моментально проваливался в сон.

Через пару дней, в солдатской бане, меня подозвал к себе высокий грозный старшина.

– Рядовой, Скорин, кру-гом!

Я выполнил его команду, и моя голая задница оказалась предметом его пристального изучения.

– Солдат, почему у тебя все, что ниже спины, синего цвета? – грозно спросил старшина.

– Падаю с кровати, товарищ старшина! – уверенно ответил я.

– На что падаешь? На станковый пулемет? – удивился тот.

– Никак нет, товарищ старшина! На пол!

В армии было негласное правило – пацанов не сдавать. И этого правила придерживались все, независимо от срока службы. С одной стороны, это казалось бесчеловечным, но с другой – закон был пацанским, а значит – святым для всего мужского коллектива. Кроме того, все прекрасно понимали цель такого «воспитания».

– Шлыков! – громко позвал старшина.

– Шлыков в парной, товарищ старшина! – прокричал кто-то в ответ из моющей свои «бубенцы» группы бойцов.

Старшина положил мне руку на шею и повел в сторону парной. Открыв дверь, мы зашли в наполненное горячим паром помещение. Но я увидел, что здесь только старослужащие.

– Шлыков, Скорин твой солдат?

– Он сиську мамкину потерял, старшина? – улыбаясь, ответил сержант.

– Начиная с сегодняшнего дня ты, пристегиваешь этого бойца к кровати ремнями. До тех пор, пока он не научится спать на ней. И если он или кто-нибудь из молодых еще раз упадет, я буду считать, что приказ не выполнен. Надеюсь, повторять не нужно? – спросил старшина у Шлыкова.

– А если он вместе с кроватью перевернется, я тоже буду отвечать за это?

Все старослужащие, сидящие в парной, во весь голос расхохотались.

– Если он перевернется с кроватью, Шлыков, значит, рядом не было заботливого командира, следящего за крепким и сладким сном молодого защитника Родины, – улыбаясь в ответ, сказал старшина.

Понятно, что никто меня не пристегивал ни в эту ночь, ни в последующие. Просто когда старшина принимал решение снова сходить с нами в баню, меня отправляли в наряд по столовой.

Через шесть месяцев учебки меня вместе с остальными парнями из моего отделения перевели в первую роту специального караула, которая уже располагалась в казармах Арсенала на территории московского Кремля. Именно эта рота несла специальную караульную службу, включая охрану поста №1 – могилу Неизвестного Солдата.

Заступая в свой первый почетный караул на пост №1 в один из знойных июньских дней, я заранее подготовил парадную форму. Думаю, что известнейшие артисты, выступающие на концерте в Государственном Кремлевском дворце, вполне могли позавидовать хрустящим стрелкам на моих брюках. Аксельбант и пряжка парадного ремня были начищены до блеска, и в них можно было смотреться, как в зеркало. В моих сапогах отражались все, кто проходил мимо обувного шкафа, а белые перчатки были накрахмалены до звона. В ночь перед караулом я был слишком возбужден, чтобы просто так взять и уснуть. Утра дождался еле-еле.

«Я стою в почетном карауле! У стен Кремля! С ума сойти!», – восторженно думал я, крепко сжимая левой рукой словно приклеенный к моей ноге ствол самозарядного карабина.

А еще я подумал о том, как было бы здорово, если бы меня прямо сейчас увидели мои брат, мама и бабушка. Конечно, я бы им не помахал, но всем своим суровым видом я бы дал понять, что они и вся наша большая Родина могут на меня положиться.

Спустя час непрерывного и неподвижного стояния на одном месте я вдруг осознал, что вокруг меня кто-то резко отключил свет...

...Когда свет снова появился, я увидел над собой белый потолок. Медленно перевел глаза, и взгляд наткнулся на красивую темноволосую девушку в белом халате возле моей кровати. Значит, это медсанчасть, а девушка – медсестра. Только теперь я понял, что потерял сознание, упал и долбанулся затылком о гранитную плиту мемориального комплекса.

В этот момент я подумал: как же хорошо все-таки, что и брат, и мама, и моя бабушка этим солнечным днем решили остаться дома и не потянули за собой еще пол-России.

Следующим вечером, после моей выписки из медсанчасти командир роты приказал построиться всему нашему подразделению на плацу перед зданием казармы.

– Рота, равняйся! Смирно! Рядовой Скорин!

– Я!

– Выйти из строя на десять шагов!

– Есть!

– За невыполнение боевой задачи при несении караульной службы объявляю десять суток ареста!

– Есть десять суток ареста! – гаркнул я, не показывая вида, что ошарашен приказом командира.

– Военный билет, личные вещи, ремень передать командиру отделения!

– Есть передать командиру отделения... – уже не так громко ответил я.

Представьте только: стою я перед целой ротой с перебинтованной башкой и думаю: «Ну как так?! Мой первый караул! Ни где-нибудь на острове Русский, среди бобров и медведей, а в самом сердце России! На Красной площади! Скорин! Ты – редкостный неудачник!»

Это был первый и последний подобный инцидент в моей воинской службе. С каждым днем армия выдавливала из меня неуместный романтизм, делая хладнокровнее, мужественнее и ответственнее. Армия научила бесконечному терпению и выдержке: стоять часами без движения в парадной форме в тридцатиградусный мороз или зной оказалось совсем не повседневной, а боевой задачей.

Уже будучи командиром отделения, заступая в суточные наряды дежурным по роте, ночами я стал зачитываться деловой и экономической литературой, которую на сержантские деньги приобретал в старом книжном магазине недалеко от Кремля. В одном из увольнений, пересматривая книжные полки букинистического магазина, я наткнулся на книгу «Голос через океан» английского ученого и писателя Артура Кларка. Это была книга об упертом предпринимателе по имени Сайрус Филдз, благодаря которому в середине XIX века был проложен телеграфный кабель по дну атлантического океана между двумя континентами: Америкой и Европой. История Сайруса Филдза оказалось историей неудач и падений, историей разочарований и бесконечной надежды, захватившей меня целиком...

Ближайшие двое суток я не вылезал из наряда по роте, уговаривая дежурного офицера не сменять меня, чтобы я мог не прерывать чтение более чем на полдня. В конце концов, уже падая на ходу от недосыпа, я передал штык-нож и знак дежурного по роте другому сержанту, закрылся в каптерке старшины и завалился спать.

Думаю, поспал я тогда не более часа.

– Дежурный по роте, на выход! – услышал сквозь сон. Команда дневального означала, что кто-то из офицеров прибыл в расположение роты. Еще через несколько минут в дверь негромко постучали.

– Савва, тебя командир роты вызывает!

– Слышу! – крикнул я.

Подойдя к канцелярии командира роты, я постучал в дверь.

– Разрешите войти, товарищ майор?

– Да, входи, – угрюмо ответил командир роты. – Знаешь, зачем вызвал?

– Никак нет!

– Очередная жалоба на тебя, Скорин. И опять от родителей, – сказал командир. После чего сначала присел на край стола, а после резко вскочив и направив руки в мою сторону, заорал:

– В тебе, вообще, хоть какой-то страх присутствует?! Слово «дисбат» не пугает?!

– Товарищ майор... – задумчиво начал я, – как вы думаете... у инопланетян такое же представление о числе Пи?

– Что?! – растерялся майор и слез со стола.

– На что сейчас-то жалуются? – вздохнув, спросил я.

Еще не опомнившийся от моего вопроса командир машинально взял в руки какую-то бумагу и начал перечислять:

– На жестокое обращение... На создание невыносимых условий службы... На все тоже самое, что и в прошлый раз!

– Товарищ майор, – я смотрел ему прямо в глаза, – разрешите вопрос?

– Еще один дебильный вопрос?!

– Если вдруг война, защищать Кремль будут бойцы Президентского полка или их родители?

– Не передергивай, Скорин! Сейчас не война! В мирное время мой сержант превышает служебные полномочия! У тебя молодняк каждую ночь «крокодилов сушит»! Ты хочешь, чтобы меня с должности поперли за то, что прикрываю твой рассадник дедовщины?!

Командир был прав. Я, действительно, был сторонником неуставных взаимоотношений. Довольно часто был беспредельно жесток со своими солдатами. Меня не трогали ни их жалобы, ни уж тем более слезы. Как у Андерсена, я хотел видеть в них стойких оловянных солдатиков, коими они со временем и становились. Самым страшным взводом первой роты, в который молодежь боялась попасть, был именно взвод Скорина. Между собой они его так и прозвали: «взвод оловянных солдатиков».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.